

В. В. СЕРОВ

НОВЕЛЛА VII ЮСТИНИАНА I: НАУЧНЫЙ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: Перевод и научная публикация законодательных исторических источников позволяет выявить в них массив важной информации о различных сторонах жизни общества и государства в соответствующую эпоху. Автором впервые осуществлен перевод на русский язык VII новеллы Юстиниана I, снабженный необходимым комментарием. Новелла VII, которая в романистике традиционно рассматривается почти исключительно в качестве одного из законов, которые сформировали имущественные права христианской церкви в ранней Византии, благодаря применению такого подхода к переводу оказывается источником более разнообразного исторического материала по т. н. юстиниановскому времени. В ней нашли отражение специфика политической ситуации, а также особенности социальных отношений, производственной сферы и правового оборота. Перевод снабжен ссылками на упомянутые в тексте новеллы другие императорские конституции.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Новелла VII Юстиниана, законодательство, церковь, имущество

В современной историографии, посвященной законодательству Юстиниана I (527–565), к конституции 535 г. (в сборнике новелл этого императора она получила порядковый номер VII), давно сложилось вполне определенное отношение¹. В отечественной византистике она признана важной вехой в развитии имущественных отношений в Ранне-византийском государстве, а также значимым этапом оформления владельских прав христианской церкви². Данный вывод, подготовленный продолжительным изучением религиозного законодательства позднеантичной эпохи, кажется закономерным. Тем более, что новелла VII дейст-

¹ Использовано издание: *Novellae*; ed. ster. / rec. R. Schoell, abs. G. Kroll. Berlin, 1954.

² См. например: *Удальцова З. В.* Церковная политика Юстиниана. Народно-еретические движения в империи // *История Византии* / отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967. Т. 1. С. 268 сл.

вительно посвящена имущественной проблематике и определенным образом констатирует состояние взаимоотношений религиозных учреждений, императорской власти и частных собственников по поводу огромной доли недвижимости в стране в конце первой трети VI в.

Помимо этого, в новелле присутствуют и другие тематические инклюдзы. Однако ярко выраженная содержательная определенность этого исторического документа обусловила его, в общем, незадачливую историографическую судьбу. Поначалу – в пору становления российского византиноведения и активного изучения письменных источников – материал новеллы VII оказался весьма полезным для выяснения процесса становления имущественных прав церкви в Византии³. Однако то обстоятельство, что многие юридические положения, составившие новеллу, имели временный характер и были впоследствии доработаны, видоизменены или отвергнуты, привело к сравнительно быстрой утрате исследовательского интереса к ней. За новеллой VII закрепился образ значительного, но малоинформативного, а, главное – неоправданно многословного источника, квинтэссенция которого передана уже его заглавием. Поэтому новелла не стала предметом специального исследования, которое предполагало бы как осуществление исторически корректного перевода хотя бы большей части анализируемого источника, так и рассмотрение затронутой в нем «внецерковной» тематики⁴.

В специальной отечественной литературе не предпринималось заметных попыток провести комплексный анализ содержания новеллы VII на основе ее научного перевода⁵. Не было и попыток осуществить такой перевод на русский язык.

Таким образом, необходимость в комментированном переводе новеллы VII Юстиниана представляется настоятельной. Единственным препятствием к ее осуществлению является излишний для периодиче-

³ Соколов П. П. Церковноимущественное право в Греко-Римской империи. Новгород, 1896. С. 77, 96, 121, 136, 177, 183, 185; Михаил (Семенов), иером. Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах Церкви (от 313 г. до 565 г.). Казань, 1901. С. 47, 111, 113, 117, 120, 133, 141, 143, 248; Левченко М. В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. 1949. Т. 2 (27). С. 31, 45, 47.

⁴ Например, упомянутого в новелле института ранневизантийской парикии. См.: Кэпиттейн Х. Парики в ранней Византии. Проблемы статуса и терминологии // ВВ. 1989. Т. 50. С. 4–10.

⁵ Методика такого анализа представлена в упомянутой выше статье германской исследовательницы Хельги Кэпиттейн и предполагает использование текста всех одновременных источников, упоминающих одно и то же явление. См.: Кэпиттейн Х. Парики в ранней Византии. С. 7.

ского научного издания объем предполагаемой публикации, в связи с чем настоящий ее вариант включает лишь некоторые необходимые – сделанные в качестве образца – комментарии к тексту, а также ссылки на упоминаемые в новелле другие законы.

Император Кесарь Флавий Юстиниан Август – святейшему и блаженнейшему архиепископу этого счастливого Города и вселенскому патриарху Епифанию: о не должествующих быть отчужденными, или обменными, или отданными кредиторам в специальную ипотеку церковных недвижимых имуществах, но отдавать предпочтение общим ипотекам.

<Pr.> Мы всегда полагали единственной <своей> целью исправлять всё то, что ранее было несовершенным и запутанным, и делать явно несовершенное совершенным. Совершив такое во всём законодательстве, мы полагаем, что надлежит и в отношении отчуждений, которые случаются со священными имуществами, включить все предыдущие законы в один, который обновляет и исправляет все предыдущие, и добавляет недостающее, и избавляет от излишнего. Благочестивой памяти Лев, который вслед за блаженной памяти Константином – первым среди императоров христианской веры – увеличил почет и утвердил статус святых церквей, издав закон⁶ об отчуждении церковного имущества, который, однако, включает <в себя> только святейшую великую церковь этого счастливейшего Города (πόλις; civitatis)⁷. И многое в этом законе, содержащем строгие и благочестивые положения, мы одобряем, а то, что <в нем>

⁶ Codex Justinianus; ed. ster. / rec. P. Krueger. Berlin, 1906. 1.2.14, 470 г. (далее – С.Ж.).

⁷ Так в конституциях Юстиниана обычно обозначался Константинополь. Собственное название столицы («город Константина») употреблялось в них весьма редко. См.: Серов В. В. Отношение византийских императоров VI в. к Константинополю: к опыту изучения столичных эпитетов // ВВ. 2009. Т. 68. С. 48–58. Место своего постоянного пребывания император Юстиниан предпочитал величать просто Городом, как это делали римляне в отношении Рима. Но, поскольку в древнегреческом языке не существовало двух разных слов, обозначавших понятие «город» в различных его качествах (слово «митрополия» в данном случае не в счет), то в публиковавшихся высшей властью билингвальных греко-латинских конституциях греческому πόλις почти всегда соответствовал латинский термин *civitas* как наиболее близкий по смыслу. Льстившее же самолюбию императора понятие *Urbs* вставлялось в латинский вариант той или новеллы в тех случаях, когда в греческом варианте понятие «столичный город» предполагалось, но в тексте формально отсутствовало.

сказано в отношении не всех <церквей>⁸, мы трактуем и полагаем при том, что ему требуется некоторое исправление. Также и у благочестивой памяти Анастасия имеется опубликованный закон о подобных <же вещах>⁹, не похожий на предыдущий и в целом несовершенный, который, хотя он и касается мест, отдаленных <от Константинополя>¹⁰, остается незаконченным, так как посвящен лишь священническому сану и диоцезу блаженнейшего патриарха этого царского и счастливейшего Города, а другие кафедры (θρόνους; *sedes*) не рассматривает: ведь если он полагал, что дело достойно исправления, то почему он одни вещи исправил, а другие оставил неустроенными? Потому-то мы и постановляем, чтобы впредь он перестал быть действующим, будучи несовершенным и ограниченным территорией и не будучи среди законов генеральным, вводящим что-то новое. Исправляя всё это, мы положили за лучшее прописать в одном законе всё относящееся к имуществу святейших церквей, ксенодохий, и нозокомий, и монастырей, и брефотрофий, и геронтокомий, и всякому святому сообществу (συστήματος; *collegii*), и прибавить этот закон к конституции блаженной памяти Льва, предварительно из-

⁸ С. J. 1.2.14. пр.: «Мы приказываем, чтобы впредь в этом царском Городе ни у какого архиепископа, возглавляющего святую церковь, ни у какого эконома, которому доверено управление церковным имуществом, не было возможности передавать в виде отчуждения какой угодно персоне поместья, либо городские или сельские владения, – в общем, недвижимые имущества, – либо состоящих при этих поместьях колонов или рабов, либо гражданские хлебные пайки, свалившиеся на святую церковь по чьей бы то ни было последней или посмертной воле, но <чтобы> именно эти владения распределялись, возделывались, увеличивались и расширялись, и <чтобы> они <т. е. епископы и экономы> не осмеливались уступать что-нибудь в <этих> поместьях кому-либо».

⁹ С. J. 1.2.17, в преамбуле которого говорится: «Мы повелеваем, чтобы те <владения>, которые закреплены за святой великой церковью этого царского Города (под <рукой> которой следует быть собранными и <остальным> святым домам, и <которая> взяла на себя заведывание их имуществами, и тем, что называется пайками, и прочими расходами) и <которые> крепки, пребывали у них <же> незыблемыми, невредимыми и всемерно защищенными. Действительными должны быть и все привилегии, которые приличествовали этой великой церкви и кафедре <очевидно, патриарха> этого царского Города и должны быть <у них> во всякое время или <были предоставлены им> любым способом».

¹⁰ С. J. 1.2.17.2: «Если же <отчуждение> будет совершено, то оно станет действительным не ранее, чем окажется <зафиксированным> в актах определенных событий, – в Византии (Βυζαντίω) <т. е. в Константинополе> у магистра ценза, в провинциях же – у эдиков <т. е. дефенсоров городов>».

ложив вкратце содержание этой конституции, а затем добавив остальное. Та конституция предписывает, чтобы ни любезный Богу архиепископ и патриарх этого счастливейшего Города, ни эконом святейшей великой церкви не продавали, не дарили и не отчуждали каким-либо иным образом никакое недвижимое имущество, как то: дом, или поле, или земледельца (*γεωργὸν; colonum*), или сельских рабов, или гражданские хлебные пайки (*πολιτικὰς σιτήσεις; civiles annonas*) (ибо и они должны числиться среди недвижимых имуществ), которые относятся к святейшей константинопольской великой церкви, и не совершали ничего подобного ни в виде вознаграждения, ни по какому-либо другому столь же надуманному поводу. И она угрожает покупателю реституцией, так как он вне <зависимости от истекшего> времени возвратит полученное им имущество со всеми его плодами за прошедшее время и со всей остальной прибылью тому, кто управляет в это время имуществом святейшей великой церкви; а также тому, кто смеет получать или приобретать такое имущество, угрожает потерей <уплаченной> цены, так как всё, что делается вопреки закону, считается как вовсе не сделанное. И она приказывает эконому, который нарушает эти <предписания>, отдать святейшей великой церкви из своего имущества всё, что он приобрел по этому основанию или оплатить вред, который он причинил святейшей великой церкви; кроме того, она <конституция> отстраняет его от должности и предоставляет святейшей великой церкви иск не только против любезных Богу экономов, но и против их преемников, совершили они сами такое отчуждение или нет, либо же, видя, что это делает любезный Богу действующий епископ или какой-либо другой клирик, они позорно и бесчестно хранили молчание и, более того, если, видя готовность такого лица на такое дело, они допустили его и не помешали ему. И далее она отправляет в вечную ссылку писца, который составляет соответствующие документы, лишая его надежды на снисхождение или возвращение. И она угрожает высшим правителям (*ἄρχοντας; iudices*), которые допустили, или способствовали таким делам, или допустили, чтобы при них были изготовлены документы о таких дарениях или иных отчуждениях, лишением их должности, и достоинства, и имущества. Итак, энергично провозглашая эти <требования>, она разрешает святейшей великой церкви отдавать церковное имущество в пользование, или в так называемый узуфрукт, на некоторое определенное время или на время жизни того, кто его получает; на том, однако, условии, что тот, кому предоставляется подобная возможность, должен передать святейшей великой церкви на праве собственности имущество такой же величины,

из которого святейшая церковь сможет получать такой же доход, какой он получает от узуфрукта; что после смерти лица, которое его получило – уж это всенепременно, – или по истечении времени, установленного для узуфрукта, святейшей церкви должен быть возвращен узуфрукт, данный из церковного имущества, и узуфрукт, данный из имущества <узифруктуария церкви>, а владение <этими имуществами пусть> перейдет к святой церкви; ибо закон определяет, что такой договор должен быть безопасным. А если то, что передается святейшей церкви в обмен, будет менее <по ценности> того, что предоставляется с ее стороны, то она немедленно получает это во владение и надеется получить и в пользование, а договор делается недействительным, и предоставляется возможность истребовать назад <имущество, переданное церковью> за вред, причиненный праву святейшей церкви.

1. Так вкратце <тот> закон определяет и налагает наказание <за нарушение его положений>, но касается он лишь имущества святейшей церкви; он действительно покончил со всеми видами обмана, но не был в состоянии предотвратить злонамеренность в будущем. Ибо некоторые, изобретя так называемых париков (*παροικικόν*) <в латинском варианте новеллы «парики» заменены на выражение *colonarium ius*, т. е. «право поселенцев»¹¹, неизвестных ни нашим законам, ни каким-либо иным, учинили против закона немалый обман, замыслив <передать таким образом землю> чуть ли не навечно в чужое владение. Мы же запретили

¹¹ Несмотря на заявление законодателя о правовой ничтожности парикии, этот институт был известен в восточных областях Империи издавна. Именно поэтому переводчик текста новеллы с греческого на латинский язык воспользовался термином *ius* – «право», под которым автор новеллы понимал не официальный юридический институт, которого в римском праве действительно не существовало (как, впрочем, и «права колонов»), а основанную на древнем обычае частнопроводную практику, которая, вероятно, сильно распространившись на церковных землях, стала претендовать на узаконение в виде особой формы правовых поземельных отношений наподобие эмфитевзиса. Подробнее об этом фрагменте см.: *Кэпитейн Х.* Парики в ранней Византии. С. 4–5, 10. См. также: *Комтев А. В.* От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995. С. 212–213. В связи с вышеизложенным наиболее корректным переводом фразы *colonarium ius* в латинском варианте рассматриваемого фрагмента представляется «право поселенцев»; только такое, первоначальное значение обоих терминов – и «парики», и «колоны» как «поселенцы на чужой земле», – оказавшееся видоизмененным по своей сути к VI в., способно отождествить их при переводе разноязыких текстов одной новеллы.

действовать подобным образом и именно по этому поводу подписали закон¹². Тогда они прибегли к уловке эмфитевзиса, и те, кто управлял имуществом святейшей великой церкви, значительно уменьшили величину реального дохода, угождая эмфитевтикарням. Поэтому мы в той нашей конституции определили¹³, что эмфитевзис может продолжаться в течение жизни трех <наследующих друг другу> людей, – времени жизни того, кто его получил, и двух его наследников, – и мы разрешили это в отношении церковной собственности, но, узнав, что некоторые оформили бесчестные и несдержанные эмфитевтические договоры, которые не оставили святой церкви даже шестой части <арендной платы>, а эмфитевтикарню простили ее всю, мы предусмотрели, чтобы арендная плата эмфитевтикарням была по возможности уменьшена в связи со случайными обстоятельствами не более чем на шестую часть. Блаженной памяти Анастасий постановил, чтобы всякий раз, когда того потребует настоятельная необходимость, отчуждения фиксировались среди публичных актов, и чтобы эмфитевзис, не зафиксированный таким образом в публичных записях, был бы ограничен временем жизни лишь одного эмфитевтикарня, тогда как зафиксированный в публичных записях длился бы до бесконечности¹⁴. Но этот закон не завершен, не полезен и явно несовершенен и, как было сказано, действителен лишь для диоцеза патриарха этого счастливейшего Города.

I. Следовательно, мы постановляем (ибо теперь уже следует подойти к закону), чтобы ни святейшая великая церковь этого Города, ни <церкви>, стоящие под нею, распределение <расходов> которых она сама осуществляет (как <это> разъяснено благочестивой памяти Анастасием), ни все прочие церкви, существующие в этом счастливейшем Городе или вблизи его пределов, ни <те>, которые подчинены патриаршей кафедре этого счастливейшего Города, <и> которым она назначает митрополитов, ни что-либо иное где бы то ни было повсюду, и ни патриарх, ни епископ (а говорим мы и о тех, кто на Востоке, и тех, кто в Ил-

¹² С.Г. 1.2.24 (530 г.), в преамбуле которого говорится: «Озаботившись всеми церковными имуществами, а особенно теми, что относятся к святой великой церкви этого счастливого Города, матери нашей и всех, которая является главой всех прочих <церквей>, мы запрещаем, чтобы впредь какая-либо уступка церковных имуществ происходила на основании парического права, но <чтобы это> неизвестное законам наименование <права> было упразднено». О «парическом праве» см.: *Кэпитейн Х. Парики в ранней Византии*. С. 4–5.

¹³ С.Г. 1.2.24.5-9, 12.

¹⁴ С.Г. 1.2.17.2, 3.

лирике, а также в Египте и поблизости, и, кроме того, в единой с ним Ливии, и о тех, кто имеются в Африканской провинции или везде, где только – следует сказать – есть наши земли, а также <о тех> любезных Богу епископах святейших православных церквей, которые имеются на Западе, расположившись от самого старейшего Рима вплоть до океана), ни тот, кто является ксенодохом, ни птохотроф, ни нозоком, ни орфанотроф, ни геронтоком, ни брефотроф, ни аббат <у> мужчин, ни аббатиса <у> женщин монастыря, ни какой угодно вообще предстоятельствующий <над> благочестивыми сообществами, – <чтобы все они> не имели разрешения отчуждать недвижимое имущество в <виде> домов ли, полей ли, садов ли, или вообще <чего бы то ни было> в таком роде, ни сельских рабов, ни гражданское хлебное снабжение (πολιτικὴν σίτησιν; *civilem annonam*), ни передавать <это> кредиторам через посредство специального залога. Мы также используем и более общее определение <то есть смысл понятия> отчуждения, потому что запрещаем и продажу, и дарение, и обмен, и эмфитевзис, продленный навечно, который стоит недалеко от отчуждения. Но мы удерживаем от такого рода отчуждения всех священников повсюду, подвергая <их> наказаниям, относительно которых имеется соответствующая конституция благочестивой памяти Льва¹⁵. Ибо мы решили, что она должна быть неизменной и иметь силу во всём; вследствие чего мы и продлили <ее действие>, и записали <этот> закон не на отцовском языке, а на обычном здесь же греческом, чтобы он был всем понятен благодаря доступности изъяснения. Итак, мы оставляем пока что <без внимания> то, что и она опускает, ведь привести в движение документы, сделанные в течение долгого

¹⁵ С.Л. 1.2.14.4: «А поместья и всё в них расположенное виндицируются у этих самых клириков и действующих в то же время экономов вместе с плодами или выплатами и приращениями за весь промежуток времени <их использования>, чтобы они <клирики и экономы> почти полностью воздерживались от ничтожной купли или продажи, так как эти <действия>, которые совершаются против законов, должны рассматриваться как несостоявшиеся»; 5: «А эконом, сделавший это, если только окажется, что он был допущен либо к какой бы то ни было, коротко говоря, продаже, либо к дарению, либо обмену, и если это совсем не то, что мы разрешили в настоящем законе, короче: если он согласился на какое угодно отчуждение, – то лишается вверенной ему должности эконома, и какой бы от этого ущерб церкви ни приключился, он возмещается из его имуществ, а его наследники, и преемники, и потомки поражаются в связи с этим деянием или за соучастие <в нем того эконома> иском <поданным в> соответствующую <судебную инстанцию>».

времени, нынче было бы <равносильно> неминуемой задержке. Поэтому те, которые существуют до сего дня, <пусть> имеют собственный вид, а на будущее мы воспрещаем всяческое отчуждение, налагая за него вышеуказанные наказания.

II. А чтобы закон оставался неизменным в отношении непостоянства человеческой природы и вследствие этого оказывался действенным всегда во всём (ведь что среди людей является неизменным и настолько неподвижным, что не допускает никакого изменения, в то время как вся наша <природная> сущность находится в непрерывном движении?), мы посчитали необходимым дать закону следующие оговорки, придуманные благодаря ночным бдениям и остроумию, чтобы закон, имея их в помощь, никоим образом не колебался.

1. Поэтому мы устанавливаем <своей> царской властью (*βασιλεία*; *imperio*), что если имеется <в виду> какая-либо всеобщая польза и дело, касающееся пользы государства и отвергающее владение чьего-либо такого недвижимого имущества, каковое мы определили, <то> пусть они приобретают его у святейших церквей и прочих почитаемых домов и сообществ, всесторонне соблюдая обеспечение <правовой и финансовой> сохранности <в отношении> священных домов, и в обязательном порядке компенсируя им со стороны того, кто приобретает, имущество равное или даже большее, нежели отдается. Как же василевс (*imperator*) <может> оправдываться, что не дал лучшего? Кому Бог дает большее, тот имеет и является хозяином многого, чтобы и отдавал легко, и больше всего – в святейшие церкви, у которых благодаря лучшей шкале измерения есть <право на> безмерность даримых им имуществ. Поэтому если случается что-то подобное, и появляется прагматический <императорский> указ (*τύπος*; *forma*), предписывающий <от имени> царской (императорской) власти отдавать что-нибудь из таких имуществ, <то> тотчас <церкви> возвращается и более хорошее, и более богатое, и более выгодное имущество, и этот обмен должен быть действительным, а те, кто управляют домами, у которых имеется то, что отчуждается, и которые ведут соответствующие записи, должны <осуществить операцию> всецело и без жалобного крика, не боясь никакого из наказаний, которыми грозится благочестивой памяти Лев¹⁶, и <которые теперь> подтверждены и нами: как бы то ни было,

¹⁶ С.Г. 1.2.14.6: «Тем нотариусам, которые отважатся записать свидетельства такого рода запретных договоров, быть наказанными назначением невозвратной ссылки»; 7: «Также тем правителям и осуществляющим право <ведения

священство и царство <т. е. духовная и царская власть> различаются не намного, а священные вещи <не отличаются сильно> от гражданских и публичных (κοινῶν τε καὶ δημοσίων), поскольку всякое богатство и положение святейшим церквам всегда предоставляется императорскими щедротами. Следовательно, компенсации, которые приличествуют тем и другим, не будут ставиться в вину никому по праву. А всё иное, совершенное либо самой царской властью, либо какой бы то ни было иной персоной, – продажа, или дарение, или обмен, или вечный эфитевзис, – мы совершенно уничтожаем; также мы не разрешаем, чтобы осуществлялась передача какого-либо залога на недвижимое имущество, совершаемая при случае на основе взаимности. И мы желаем, чтобы это имело силу во всякой церкви и всяком монастыре, и в нозокомии, и ксенодохии, и брефотрофии, и аскетерии, и в геронтокомии, и абсолютно во всяком сообществе, которое установила благочестивая воля, но чтобы совершенно никто не был в силах получать от них что-либо из тех <имуществ>. Отсюда не будет худшим делом ни <то, что написано> в конституции божественной памяти Анастасия, ни <то, что> долженствует быть совершенным в соответствии с нею по декретам о соблюдении упомянутого; ибо мы никоим образом не нуждаемся в дальнейшем исследовании самых начал дела, запрещая и вмешиваясь, когда оно <уже> свершилось.

III. И мы разрешаем быть эфитевзису как у святейшей великой церкви <Константинополя>, так и у всех остальных долженствующих быть почитаемыми домов, – <такому эфитевзису, который оформляется> и на персону получающего <имущество в аренду>, и после – на двух наследников этой же персоны, – однако лишь на детей, как мужчин, так и женщин, или на внуков обоего полу, или на жену или мужа, если то очевидным образом женой или мужем ясно объявляется; кроме того, <мы не разрешаем, чтобы эфитевзис> переходил к какому-нибудь другому наследнику, но <пусть остается> лишь до завершения жизни получивших <его>, если они не имеют ни детей, ни внуков. Напротив, мы никоим образом отнюдь не разрешаем, чтобы осуществлялся эфитевзис некоего церковного недвижимого имущества, либо приюта для бедных, либо сельских рабов, либо гражданского хлеба, и мы не позволяем, чтобы он <если уж> случился, обладал какой-то силой.

публичных> дел, которые устраивали дела такого рода дарений и контрактов, быть приговоренными к лишению всего имущества и собственного звания».

1. А поскольку еще конституция блаженной памяти Льва санкционировала совершенно не отдавать церковное имущество ни при каком умалении <его статуса>, то и мы в написанной нами другой конституции¹⁷ санкционируем в отношении эмфитевзисов, чтобы взималась только шестая <часть дохода>. И таковой порядок мы предоставляем, чтобы взнос с тех <имуществ>, которые отдаются, со всяческой точностью и откровенностью спрашивался лишь такой, какой был изначально, когда оно <имущество> попало к святейшей церкви, и чтобы эмфитевзис давался таким персонам, о которых мы говорили выше; ведь <только> тогда мы дозволяем, чтобы ей со всей скрупулезностью была обязательно начислена шестая часть. А если вследствие какого-либо бедствия она получит меньший взнос, то после этого <право на> полный установленный взнос либо получает тот, кто пожелает нести эмфитевзис, либо <если не пожелает, то> не получает, так как арендовать <столь> доступно предпочтительнее, чем применять в отношении эмфитевзиса подобные умаления <взноса за него>. Если же в эмфитевзис дается какое-нибудь дорогое пригородное церковное <имение>, то мы вносим новшество, чтобы в этом счастливейшем Городе максимально существовали многочисленные свойства <этого явления>: чрезвычайно достойная цена, и малые выплаты <в качестве> возмещения, или вообще ничего из выплаты не должно собираться из доходов эмфитевзиса, но надлежит, чтобы пригородное <владение> было тщательно оценено, а из выведенной <таким образом> цены были бы исчислены возможные доходы, должностующие быть сопоставленными за двадцать лет, и при вычисленных на основании этого доходах эмфитевзис осуществлять не вечно, но следует сделать так, как мы это предписали в отношении того, кто принимает, и двоих его преемников, и <в том числе> мужа и жены.

2. Эмфитевтам же надлежит знать, что если они не платили эмфитевтический канон в течение двухлетия (ибо мы полагаем, что это время по сравнению с трехлетием у иных людей является достаточным при уплате невыплаченного канона в случае эмфитевзисов церковных или приютских¹⁸), то становятся совершенно чуждыми предмету эмфитевзиса,

¹⁷ С.Ж. 1.2.24.5.

¹⁸ В тексте используется термин, обозначающий приют для бедных, однако здесь и далее в конституции ему придается явно эксплицитное значение, поэтому в переводе кажется уместным употреблять общее понятие «приют» без спецификации его назначения; очевидно, законодатель имел в виду все виды приютов и богоугодных заведений, чтобы всякий раз не перечислять таковые в конституции, и без того пространной.

Новелла VII Юстиниана I: научный перевод на русский язык

и милостивым заведующим священными домами следует защищать <от них> дома или поместья, <и> избегавшим улучшений <не будет в связи с этим> никакого возмещения. Но если тот, кто получил эмфитевзис, сделает поместьем, или пригородному хозяйству (*προάστειον*; *suburbanum*), или дому хуже, то он принуждается проявить усердие и <осуществить> восстановление древнего состояния <полученной в аренду вещи> за свой <счет>, и обязывается к тому и сам, и его наследники, и преемники, и его имущество, а, кроме того, все причитающиеся <с него> доходы должны быть взысканы без отсрочки.

Так как нами уже сказано, что никакой персоне нашего государства не должно быть разрешено никакого отчуждения недвижимого имущества церковного или приютского, то мы повелеваем, чтобы <это указание> имело силу не только в отношении твердо стоящих домов, и пригородных хозяйств, и садов, и полей, но и в отношении руин, образовавшихся либо из-за огня, либо из-за колебания земли, либо вследствие какой угодно иной причины; и даже в <отношении> тех, которые совершенно разрушены и лежат в <виде> слоя щебня и извести, либо даже <в отношении> чистых <т. е. образовавшихся от времени> развалин, не имеющих никакого строения, ни лежащего <там строительного> материала. Ибо мы не допускаем, чтобы в <отношении> таковых происходило отчуждение, – разве что лишь в <виде> временного эмфитевзиса на три таких персоны, которых мы определили выше <и> по поводу чего мы только что высказывались. И чтобы не случилось никакого мошенничества в <отношении> этих <имуществ>, двумя – по возможности – первыми <среди местных> механиков и архитекторов, а в этом величайшем и царском Городе – вместе с любезными Богу экономами, и пятью почтеннейшими пресвитерами, и двумя диаконами, а также с настоящим любезным Богу епископом, а в провинции – двумя выдающимися механиками или архитекторами, случившимися в тех местах, либо даже одним <из них>, – если <тамошний> город имеет только одного, – <так вот, этими> архитекторами определяется, положив священные евангелия, сколько следует за это платить <в пользу> святейшей церкви согласно типу эмфитевзиса, и усердно изготовить о том на них эмфитевтическую запись согласно ранее указанной форме. А тот <эмфитевт может> и строить, и пользоваться <строительными> материалами, если он имеет материалы, и передавать эмфитевзис не более чем двум, как было сказано, преемникам, и таким образом после смерти трех персон <обязан> возвратить <его> святейшей церкви или досточтимому дому,

от которого эмпитевзис явился; и <пусть> такой контракт имеет силу, так как не противодействует настоящему закону.

3. И не должно быть позволено, чтобы то, что до сих пор делалось против таких контрактов, имело возможность расширяться <буквально: имело бы силу для прибавления>, чтобы, когда завершается время <жизни> двух наследников, то тем, кто будет после них, давалось разрешение <получать> в эмпитевзис то, что ими испрашивается, и они всегда предпочитались бы прочим: ведь это есть ничто иное, как действие через посредство обхода и хитрости, и, скорее, – <с целью> отнятия церковных имуществ, <дабы сделать> эти эмпитевзисы вечными. Но если происходит что-либо подобное, то нет никакой необходимости в том, чтобы досточтимейшие экономы передавали <церковное имущество в вечную аренду> от двух ушедших <т. е. умерших> наследников другим.

IV. Если же кто-нибудь пожелает по размышлении получить в пользование или в то, что называется «узуфрукт», церковное имущество либо святейшей великой церкви <Константинополя>, либо какой угодно иной <из тех,> что расположены на <территории> всего нашего государства, либо <имущество> приютов, то он, конечно, получает его согласно вышеприведенному наставлению и в соответствии с формой установления благочестивой памяти Льва: чтобы этот возникший <таким образом> богач и господин недвижимого достояния тотчас компенсировал святейшей церкви или досточтимому дому, от которого он это получил, другое имущество согласно праву собственности, <а равно и> такие и столькие доходы, <оказавшиеся в руках> получившего <это имущество>, которые или сколько имеет то <имущество>, которое отдается, и таким образом, чтобы приютские или церковные имущества после его смерти возвратились к досточтимому дому вместе с использованием, которое было дано, не превысив время жизни получившего <эти имущества и право пользования ими>; подобным же образом он получает и пользование имуществом, данным в вознаграждение, до тех пор, пока получивший не умрет или пока <не истечет> срок, которым было обусловлено дарение <права> пользования, не превосходя, разумеется, <времени> жизни получающего, а также, в целом, в соответствии с <правом> собственности и согласно <праву> пользования, <которые есть> у святейшей церкви.

V. А так как конституция благочестивой памяти Льва убавила наказания <назначив их> почти что только за продажу, то мы <дополняем ее и> запрещаем не только продажи, но и дарения, и обмены, и вечный эмпите-

тевзис, и предоставления залогов в отношении недвижимых имуществ, что, как мы заметили, настолько останавливает любителей риска, что они сторожатся подходить к тем <видам отчуждения>, которые всемерно запрещены, и совершать обман в отношении законов по желанию и с надеждой, которую они имеют и, может быть, ведут людей к смерти <своими> действиями; по той причине мы считаем необходимым и даже определенным, чтобы в каждом контракте устанавливалось наказание, разумеется, <в дополнение> к тем наказаниям, которые установлены в отношении экономов в вышеназванной конституции блаженной памяти Льва, а равно и к недавно <появившимся> непосредственным угрозам для эконома¹⁹, или ксенодоха, или нозокома, или брегфотрофа, или аббата, или аббатисы монастыря или аскетерия, согласно тому, как это было устроено прежде²⁰. Следовательно, если кто-нибудь задумает купить церковное или приютское имущество, то сразу же потеряет <его> стоимость, а имущество, которое он приобрел, изымается вместе с приращением за всё промежуточное время <т. е. пока оно было в пользовании у покупателя>; и он не обладает совершенно никаким <правом на> иск против святейшей церкви и досточтимого дома, а против почтенных экономов или тех, кто вообще участвовали в продаже, он имеет иск из договора в <размере> их собственного достояния: чтобы хотя бы из опасения за свое достояние, если не за страх перед Богом, они всё же становились медлительнее в отношении продаж.

1. Если же кто-нибудь вознамерится получить церковное или приютское имущество через посредство дарения, то совершенно утратит и само то, что подарено, и выплатит из своего достояния столько <же чего-то> другого святейшей церкви или досточтимому дому, от которого он это получил: поскольку передающий это самому себе в собственность весьма старается действовать против этого новшества, то пусть он прочувствует собственное коварство <на себе>.

2. Если же произойдет обмен с какими-либо персонами – за исключением лишь царской власти, как мы сказали выше, – то тот, кто получил

¹⁹ С. J. 1.2.24.2: «Итак, набожнейшие экономы да знают, что если что-либо совершится вопреки этому <постановлению>, то <пусть> они готовятся к тому, чтобы возместить из собственности стоимость долженствующего быть возвращенным имущества святой церкви».

²⁰ Точное указание на соответствующий законодательный источник затруднительно. В тексте новеллы недвусмысленно говорится о «недавних установлениях», однако в предыдущих конституциях Юстиниана нет сведений о наказаниях перечисленных здесь религиозных лиц.

<церковное имущество> в обмен, подлежит наказанию так, что потеряет отданное ему имущество, и оно возвратится назад, к досточтимому дому, откуда ушло, а то, что он дал в качестве возмещения <т. е. взамен>, останется у досточтимого дома, и тот, кто принялся за противное закону дело, по праву потеряет повсюду: и подвергнется за это наказанию, и вслед за тем утратит собственность, и не получит то, на что надеялся; хотя при этом для него сохраняется <право на> иск по поводу собственного достояния тех, кто устроили с ним контракт.

VI. Если же недвижимое церковное или приютское имущество в <виде>, может быть, домов, или пригородных <имений>, или полей, или садов, или гражданских хлебных пайков, или сельских рабов кредитор завещал получить по вещному залогу, и передал <в обмен> за него золото, то он теряет заложенное, и имеет <ту> выгоду, что получает заем, а святейшая церковь или досточтимый дом – то золото, которое было заимствовано; кредитору также оставляется <право> иска против практикующего залог эконома, или ксенодоха, или птохотрофа, или игумена монастыря или аскетерия, или иных досточтимых сообществ. Также все эти <установления> имеют силу в отношении аббатис женских аскетериев и монастырей.

1. Ведь если, конечно, у святейших церквей или других досточтимых домов возникнет надобность в кредите, то их руководителям надлежит либо в единственно необходимом и, очевидно, неизбежном случае, когда кроме как этак не может осуществиться то, что следует, либо в ином, оказавшемся наименее полезным для святейшей церкви, случае, держаться <смысла> общей ипотеки <т. е. залога всего имущества> и не предоставлять кредиторам никакого особого залога.

VII. А еще если кто-либо самонадеянно предположит получить вечный эмфитевзис, что не позволено, или же временный <эмфитевзис>, но не по предписанию этого нашего закона, то тем самым он теряет <сам этот> же эмфитевзис, а то, что было <им> отдано <в качестве платы>, остается у досточтимого дома, а он и после краха <договора по поводу этого> эмфитевзиса будет постоянно отдавать столько, сколько должно было выплачиваться <по договору>; если он взял эмфитевзис по закону, <то в случае аннулирования договора> у него не останется ничего из имущества бедных <на содержании у церковного учреждения>, так как оно передано ему в эмфитевзис ошибочно.

1. Итак, все эти положения <закона пусть> охраняются <страхом перед> установленными выше наказаниями: да не служат предвзятые нотариусы подобным <делам посредством> документов, но постоянно

страшится ссылки, и чтобы они никогда не приступали <к ним>, если этого не потребует священный <императорский> указ; и да не утверждают предвзятые правители <с судейскими полномочиями> такие документы, и не примут <во внимание предвзятые> факты, и да не подтвердят ведущие их <т. е. документы> историческими ссылками, чтобы не отвечать самим за проступок ни местом, ни достоинством, ни имуществом, согласно конституции Льва.

VIII. Эти же наказания должны быть приготовлены и против тех, которые вопреки нашему закону отдают в залог, или продают, или собирают вследствие отчуждения священные сосуды. Ибо мы определяем, что они достойны равных или даже бóльших наказаний, поскольку возжелали действовать нечестиво даже в отношении священных и посвященных Богу вещей; но только если что-либо такое, что мы указали, не происходит в отношении выкупа пленных, когда посредством продажи неодушевленных сосудов освобождаются от смерти и оков души людей. Конечно, подобная практика должна быть сохраняема и в отношении отчуждения гражданских хлебных пайков, как мы часто говорили, а именно: о таких хлебных пайках, которые имеютя, поскольку мы <их> распределили не только в этом счастливейшем <в греческом тексте – царском> Городе, но и в Александрии великой, и в Теополесе, а может быть, что-то подобное имеется и в иных каких бы то ни было провинциях. Ведь если такое же владение есть даже в ином месте, то закон и там соблюдается и <туда> распространяет свою силу.

IX. А так как вероятно, что кто-нибудь попытается в обход этого закона заполучить наши прагматические указы, позволяющие им совершать что-либо подобное, то мы запрещаем такое всякой персоне – и старшему, и младшему, и поставленному на должность, – либо из тех, кто находятся вокруг нас, либо из <числа> других, обитающих где-либо среди людей. И мы предписываем, чтобы совершенно ни у кого <из правителей> не было разрешения издавать какой-нибудь подобный прагматический указ, и чтобы по нему не приобреталось ничего из соответствующих недвижимых имуществ у святейших церквей, или монастырей, или приютов для бедных, или досточтимых сообществ; да и славнейшему квестору <священного двора>, если он предпишет что-то подобное, угрожает штраф в пятьдесят фунтов золота <в латинском варианте конституции – сто фунтов золота>, а наряду <с этим> такой же штраф угрожает и славнейшим правителям, <якобы> получившим извещение о каком-нибудь подобном священном указе, или каким угодно иным <администраторам>: конституции блаженной памяти Льва подчиняются и нота-

риусы, если они используют какой-нибудь подобный <официальный> документ, да и любезные Богу епископы или досточтимые экономы <пусть> отвергают такого рода священные прагматические указы без риска <для себя>, а <если> принимают и признают, то скорее с риском, так как они <тем самым> берут на себя риск в отношении самого священства <т. е. сана>, если последуют прагматическим указам, пренебрегая теми законами, которые появились по этому поводу.

1. Ведь надлежит, чтобы те <постановления>, которые совокупно и в целом издаются на пользу всем, имели бóльшую силу, чем те <указы>, которые стремятся задействовать какие-нибудь <негодия в своих интересах> для порчи общих законов. Очевидно, что такое применяется только в отношении тех, которые собираются совершить что-либо подобное в отношении передаваемых и принимаемых в эмфитевзис каких бы то ни было <церковных> имуществ.

X. Но если они пожелают, чтобы какие-то <имущества> находились под собственным управлением любезных Богу экономов или игуменов неких сообществ, то никому из тех, кто пребывают во власти, нет разрешения даже по священному прагматическому указу забирать их ни под видом аренды, ни под видом эмфитевзиса, а кто так сделает, подвергнется и каре за святотатство, и всяческим наказаниям, которые значатся в этом нашем священном законе.

XI. А поскольку мы узнали, что то или иное правонарушение совершается и у александрийцев, и египтян, а теперь и в каких-то других местах империи, <в которых> сами досточтимые монастыри (в которых, как это принято делать в святейших церквях, проводится священное служение, разумеется, и по священным избранным писаниям <т. е. по Библии>, и в святом и преданном таинству сообществе, и в проводимом там монашеском житии) предпринимают <попытки> продавать, или обменивать, или дарить, то за это они должны отодвигаться от священного и любезного Богу образа <жизни> к частному пристанищу и статусу: так что мы совершенно запрещаем, чтобы такое случалось, не разрешая никому совершать правонарушение во всяком таком <деле>. Однако же мы всеми способами провозглашаем <уже> содеянное не имеющим полной силы, и назначаем падение цен <т. е., вероятно, потерю уплаченной суммы> получившему <такое имущество>, и также мы наказываем продавца утратой вещи и потерей цены, отдавая их святейшей церкви этого места и досточтимым монастырям, чтобы они сами представляли, что то, что дурно отчуждено, возвращается вновь к монашескому статусу; в отношении них не имеет силы и ипотека, но и сама она должна быть отменена, и монастырю должно быть вновь доверено священное служение.

XII. А поскольку мы запрещаем вредоносные отчуждения, постольку же мы запрещаем и убыточные владения. Ибо при нас предприняты многие расследования <о том>, где святейшим церквам или досточтимым домам некоторые подарили менее приличные поместья или даже продали как бы приличные, тогда как они были с самого начала по меньшей мере бесплодными и оттого причинили досточтимым домам вред. Поэтому мы запрещаем управителям досточтимых домов совершать что-либо подобное или даже приступать <к действиям такого рода>, так как если они оформят договоры не со всяческой тщательностью, и церквам, или монастырям, или ксенодохиям, или нозокомиям, или другим досточтимым сообществам передастся некое убыточное или убогое <буквально: сделанное из соломы> владение, то этот договор будет недействителен, а тот, кто передает <имущество>, получает обратно полностью то, что было передано посредством обмана и козней; экономом же, который совершит что-либо подобное, или аббат, или ксенодох, или нозоком, или птохотроф, или орфанотроф, или геронтоком, – заплатит за этот ущерб из своего <достояния> тому, кто передает. А если дело оборачивается таким образом, что при этом дается какое-нибудь золото, то его присваивает досточтимый дом, который получил нечто соломенное <т. е. никчемное>; а тот, кто золото дал, приобретает из этого <право на> иск против того, кто оформил контракт, как мы указали ранее.

<Ер.> Этот закон, воздвигнутый нами по поводу отчуждения церковных и, конечно же, приютских имуществ, следуя за конституцией же благой памяти Льва и заботясь не о чем-то лишь одном, когда другое остается без попечения, простирается, однако, на всю землю, которую объединяет закон римлян и санкция кафолической церкви, и устанавливает, какие имеются имущества, – <пусть> имеет силу <в качестве> вечного и соблюдаемого и святейшими патриархами какого угодно диоцеза, и любезными Богу митрополитами, и другими епископами, и клириками, и экономами, и аббатами, и ксенодохами, и нозокомами, и брефотрофами, и орфанотрофами, и геронтокомами, и исключительно всеми управителями каких-либо святых сообществ, придавая всем <им> собственную силу и предоставляя желающему возможность угрожать <тем>, кто провинились. Ибо достоин похвалы и избежит звания лжесвидетеля тот, кто изобличит дело, совершенное против закона, став тем самым сторонником благочестия и пользы для священных домов. Тем не менее, <пусть> охраняют его и правители нашего государства, – старшие и младшие, гражданские и военные, а особенно поставленные по всем диоцезам славнейшие префекты священных преториев, и занимающие среднюю <ступень> управления, кои называются «замечательными», – мы говорим о замечательных комитах, и проконсулах, и об августале,

и про других, и <о комите> Востока, – и о тех, кто являются правителями <по старшинству> после этих, то есть поставлены консулярами или президами провинций, а также экдиками (дефенсорами) <городских> общин; и <пусть> этот наш закон, установленный как бы на общую пользу и для благочестия всей земли, просто обеспечивает <для себя> гражданское, и публичное, и военное содействие, и подставляет под наказание хитрецов, о которых мы сказали вначале. Если же что-то по поводу аренды церковных имуществ либо мы определили в других главах <этой конституции>, либо определено более ранними нашими <законами>, то <пусть и> это пребывает в своей силе, не должествуя быть вновь переделанным нашей <новой> священной конституцией в настоящее время. Ибо мы разрешаем, чтобы все иные оставались в собственных <имущественных> границах, разве что кто-нибудь имеет что-то из тех <имуществ>, которые мы тут определили, так как этот закон добавляет про всё сверх того, что совершено благочестивой памяти Львом, чтобы удалить всяческий повод для отчуждения, противный приютским имуществам. Следовательно, <пусть> твое блаженство и те, кто будут после него на архиерейских должностях, которые назначаются нами, поспешит отдаться работе и исполнению.

<На латыни в конце греческого варианта:> Божественность да служит тебе многие годы, святой и религиознейший отец!

Копии списаны для святейших архиепископов Рима, Элии, Александрии и Теополиса, для славнейшего префекта священного претория Востока во второй раз, экс-консула и патрикия Иоанна, и для славнейшего префекта претория у иллирийцев Доминика.

Дана в 18-й день перед календами мая в Константинополе, в консульство светлейшего мужа Белизария <13 апреля 535 г.>

В заключение необходимо отметить, что предложенный перевод не является окончательным и может быть доработан и дополнен новыми комментариями специалистов.

Статья поступила в редколлегию 12.10.2017 г.

Серов Вадим Валентинович

Доктор исторических наук,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Алтайский институт экономики –
филиал Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики
656011, Барнаул, Россия
Электронная почта: wseroff@yandex.ru

Vadim Serov

Doctor of Historical Sciences,
Professor at the Department of
Public Law,
Altay institute of economics
656011, Barnaul, Russia
e-mail: wseroff@yandex.ru

VADIM SEROV

NOVEL VII OF JUSTINIAN:
TRANSLATION INTO RUSSIAN WITH REFERENCES AND NOTES

Abstract: For the more than one hundred years of existence of the Russian studies for the Justinianic Law the full translation of this emperor's decrees never was made. Owing to this reason evidently even those Justinian's laws, which have vast significance for detailed and correct reconstruction of that epoch remain as almost only a sources with index number. The novel VII, for example, is considered the one of Early-Byzantine constitutions, which strengthened the property rights of the Imperial Church. Meanwhile this historical source contains a lot of useful information about not only religious policies of Justinian I and other ecclesiastical matters. The translation with necessary references and minimum of notes seems to author the possibility not only to give a new scientific life to it, but to advance by the way of Justinianic epoch's research as well.

Keywords: Novel VII, Early-Byzantine legislation, Church, property

LITERATURE CITED

- KÖPSTEIN, H. "Pariki v rannej Vizantii. Problemy statusa i terminologii". In: *Vizantijskij Vremennik* 50 (1989). S. 3–13.
- KOPEV, A. V. *Ot prav grazhdanstva k pravu kolonata. Formirovanie krepostnogo prava v pozdnej Rimskoj imperii*. Vologda, 1995.
- KRUEGER, P. (Ed.). *Codex Justinianus*. Berlin, 1906. (Corpus iuris civilis, vol. 2).
- LEVCHENKO, M. V. "Cerkovnye imushhestva V–VII vv. v Vostochno-Rimskoj imperii". In: *Vizantijskij Vremennik* 2 (1946). S. 11–59.
- SCHOELL, R, KROLL, G. (Ed.). *Novellae*. Berlin, 1954. (Corpus iuris civilis, vol. 3).
- SEMOV, MIHAIL. *Zakonodatel'stvo rimsko-vizantijskih imperatorov o vneshnih pravah i preimushhestvah Cerkvi (ot 313 g. do 565 g.)*. Kazan', 1901.
- SEROV, V. V. "Otnoshenie vizantijskih imperatorov VI v. k Konstantinopolju: k opytu izuchenija stolichnyh jepitetov". In: *Vizantijskij Vremennik* 68 (2009). S. 48–58.
- SOKOLOV, P. P. *Cerkovnoimushhestvennoe pravo v Greko-Rimskoj imperii: opyt istoriko-juridicheskogo issledovanija*. Novgorod, 1896.
- UDAL'COVA, Z. V. "Cerkovnaja politika Justiniana. Narodno-ereticheskie dvizhenija v imperii". In: *Istorija Vizantii*. Ed. S. D. Skazkin. Moskva, 1967. T. 1. S. 260–279.

Received on 12 October, 2017